

(Отдѣльный оттискъ изъ „Р. Ф. Вѣстника“).

ЧИНЪ ПЕЩНАГО ДѢЙСТВІЯ

Въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ.

Историко-литературно-археологическій этюдъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи этой статьи я пользовался главнымъ образомъ двумя книгами: „Описаніемъ Вологодскаго кафедральнаго софійскаго собора“, составленнымъ Н. Суворовымъ, и журналомъ Новикова: „Россійская Вивлюэика“, часть VI.

Изъ первой я почерпалъ драгоцѣнный археологическій матеріалъ; вторая мнѣ послужила, какъ пособіе для того, чтобы вѣрно и точно передать содержаніе оцѣлокъ и нарисовать картину пещнаго дѣйствія.

Книга Н. Суворова, уже сдѣлавшаяся библиографическою рѣдкостью, свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ такихъ отдаленныхъ губернскихъ городахъ, какъ Вологда, находятся почтенные дѣятели, любители мѣстной старины, неутомимые собиратели, умѣло и научно группирующие интересныя данныя. Самъ авторъ — образованный, просвѣщенный человѣкъ — всегда въ своихъ выводахъ основывается на несомнѣнныхъ фактахъ, строго критически относясь ко всякаго рода матеріалу.

Книга: „Описаніе вологодскаго кафедр. соф. собора“ распадается на двѣ половины. Первая посвящена исторіи построенія храма и постепеннаго его улучшенія; авторъ подробно рассказываетъ о трехъ обновленіяхъ собора, о нынѣшнемъ его состояніи, о достопримѣчательностяхъ библіотеки и ризницы, о достопамятныхъ событіяхъ; приво-

дѣтъ списокъ вологодскихъ архіереевъ, погребенныхъ въ соборѣ; списокъ протоіереевъ, говорятъ о штатѣ и о многомъ другомъ, все снабжая историческими, археологическими и бытовыми комментаріями. Вторая половина книги, названная „Приложеніями“, еще цѣннѣе и важнѣе первой, такъ какъ авторъ дѣлаетъ выписки изъ консисторскаго духовнаго архива, въ высшей степени интересныя и краснорѣчиво говорящія сами за себя; здѣсь же напечатаны грамоты архієпископовъ, государей, житіе, иже во святыхъ отца нашего Антонія, епископа вологодскаго и великопермскаго, и масса мелкихъ замѣтокъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ книгу на столько интересною и важною во многихъ отношеніяхъ, что остается только пожалѣть о маломъ ея распространеніи и совершенномъ исчезновеніи съ книжнаго рынка.

Моя задача состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы возможно полнѣе описать ходъ пещнаго дѣйствія и тѣмъ загладить пробѣлъ, замѣчаемый въ статяхъ объ этомъ предметѣ. Съ этою цѣлью я обратился къ первоисточнику, т. е. къ журналу Новикова: „Древняя Россійская Вивлюоика“. Здѣсь напечатанъ обрядъ пещнаго дѣйствія въ связи со всѣми церковными службами, которыя приходились наканунѣ и въ самый день совершенія стариннаго чина. Не трудно было выдѣлить существенную часть и передать ее современнымъ языкомъ, но все-таки иногда приходилось прибѣгать къ цитатамъ, чтобы сохранить выразительность стариннаго описанія.

Привода ниже незначительную по количеству литературу по данному вопросу, я совсѣмъ не претендую на полноту ея и съ благодарностью приму чьи-бы то ни было дополненія и указанія.

1) Уставъ церковный Новгородскій. Книга въ патріаршей книгохранительницѣ, N 490.

2) Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. I, стр. 373—375 и т. II, стр. 239—244, и т. III, стр. 36.

3) Описаніе Новгородскаго Софійскаго собора, сост. протоіереемъ П. Соловьевымъ, изд. Импер. Русск. Арх. Общ., въ 1858 г.

4) Древняя Россійская Библіотека, изд. второе, часть VI, стр. 363—390.

5) Древности Россійскаго государства, отдѣлъ NN 27—29.

6) Артлебенъ: „Къ слову *Амвонъ* для Археологическаго словаря“. Труды Московскаго Археол. Общ., кн.

7) Уставъ Софійскаго Новгородскаго собора, стр. 59.

8) Софійскій Временникъ, ч. II, стр. 374.

9) Описаніе Вологодскаго кафедральнаго софійскаго собора, составл. Н. Суворовымъ. Москва, 1863 г., стр. 131—138.

10) Введеніе въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія, изслѣдованіе П. Пекарскаго. СПб. 1862 г., стр. 388—391.

11) Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки Алексѣя Веселовскаго. Москва, 1870 г., стр. 326—330.

12) Костомаровъ: Очерки домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII в. СПб. 1860, стр. 150—152.

13) Театръ до-Петровской Руси. Публичная лекція А. Архангельскаго. Казань, 1884 г., стр. 19—21.

14) Записки о Московіи Флетчера.

15) Подробное описаніе путешествія голштынскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 гг., составл. секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Пер. съ нѣм. П. Барсовъ. Москва, 1870 г., стр. 314—315.

I.

Общія замѣчанія.

Въ древней Руси для народа, увлекавшагося обрядовой, чисто внѣшней стороною религіи, имѣли большое значеніе церковныя процессіи, поражающія или торжественной обстановкой, или пышностью выполненія, или стремленіемъ выразить духовный восторгъ по поводу знаменій и чудесъ Божіихъ. Открытіе и перенесеніе мощей, чудотворныя и явленныя иконы, крестныя ходы, построеніе и освященіе храмовъ — все это привлекало многочисленныя толпы поклонниковъ.

Кромѣ процессій, православный человѣкъ допетровской Руси любилъ и обряды, изъ которыхъ самыми видными были: шествіе на ослати, вѣнчаніе на царство, погребеніе патріарховъ, омовеніе ногъ, обрядъ страшнаго суда и чинъ печнаго дѣйствія.

Эти обряды можно считать переходной ступенью отъ церковныхъ процессій къ представленіямъ изъ священной исторіи какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта.

Возникшія въ XVII столѣтіи мистеріи обязаны были своимъ появленіемъ школьному вліянію, и образцы ихъ заимствованы изъ сосѣдней католической Польши. О русскихъ древнихъ обрядахъ нельзя этого сказать, „такъ какъ даже въ пору, ближайшую ихъ существованію — по словамъ Ал. Веселовскаго ¹⁾ — усилія опредѣлить ихъ происхожденіе остались тщетными“.

Обрядъ печнаго дѣйствія, по моему мнѣнію, могъ прямо, безъ всякаго заимствованія, возникнуть на русской

¹⁾ Старин. театръ, стр. 326.

землѣ. Быть можетъ, тотъ отроческій учитель, который играетъ незамѣтную, но дѣятельную роль при исполненіи древняго обряда, — и былъ первымъ авторомъ его; (безъ сомнѣнія, онъ былъ книжникъ).

Какъ бы то ни было, но чинъ пещнаго дѣйствія наиболѣе драматиченъ и выразителенъ, чѣмъ другіе древніе обряды, и потомъ послужилъ основой комедіи — мистеріи о трехъ отрокахъ, написанной Симеономъ Полоцкимъ.

Обрядъ пещнаго дѣйствія состоялъ въ наглядномъ изображеніи того событія, которое воспѣто у Данила, въ главѣ III, стихи 1—94. Три еврейскихъ отрока: Ананія, Азарія и Мисаилъ отказались поклониться вавилонскому кумиру и по повелѣнію Навуходоносора были брошены въ раскаленную печь, но чудеснымъ образомъ остались невредимыми.

Самое раннее указаніе объ этомъ оригинальномъ представленіи находится въ расходныхъ книгахъ новгородскаго архіерейскаго софійскаго дома.

1. 1548 г., 24 декабря, въ навечеріе Рождества Христова, приходили ко архіепископу Христа славить: софейскій протопопъ съ братією, и дьяки, и пѣвчіе, и подъяки; и архіепископъ велѣлъ дати протопопу съ братією, на соборъ, полтину московсеюю; дьякомъ — пѣвчимъ на три станицы по полтинѣ московской; подъякомъ большимъ и меньшимъ дана полтина-жъ московская; псаломщицомъ дано два алтына; звонцомъ софейскимъ дано алтынъ; *халдеемъ двѣма* дано гривна московская . . . ¹⁾).

Въ вологодскомъ Софійскомъ соборѣ чинъ пещнаго дѣйствія отправлялся въ слѣдующія четырнадцать лѣтъ: 1618, 1619, 1626, 1627, 1628, 1631, 1633, 1636, 1637,

¹⁾ Извѣстія Императ. Археолог. Общ. за 1861 г., т. III, стр. 36.

1638, 1639, 1640, 1642 и 1643. Въ нѣкоторыхъ годахъ чинъ этотъ не упомянуть, слѣдовательно и не былъ совершаемъ, потому что архіепископы находились въ то время (т. е. въ декабрѣ мѣсяцѣ) въ отсутствіи изъ Вологды, въ Москвѣ ¹⁾). У Пекарскаго ²⁾ есть дата 1623, 1624, 1625 годовъ. Это или неточность или ошибка. Во всякомъ случаѣ „пещное дѣйствіе“ уже не давалось въ XVIII столѣтіи, и Петровская Русь позабыла это представленіе.

Обрядъ пещнаго дѣйствія совершался только разъ въ году, передъ праздникомъ Рождества Христова. Если этотъ праздникъ приходился въ понедѣльникъ или во вторникъ, то пещное дѣйствіе исполнялось въ недѣлю святыхъ протцевъ; если же Рождество Христово случалось въ другіе пять дней, то обрядъ былъ отправляемъ въ недѣлю святыхъ отецъ ³⁾).

Чинъ пещнаго дѣйствія находилъ себѣ мѣсто, вѣроятно, во многихъ митрополіяхъ, архіепископствахъ и въ архіерейскихъ „престольныхъ“ городахъ.

Пока установлено, на основаніи сохранившихся документовъ, что чинъ этотъ происходилъ въ Новгородѣ, Москвѣ и Вологдѣ.

Для меня несомнѣнно, что обрядъ пещнаго дѣйствія бывалъ и во Владимірѣ на Клязьмѣ.

„Есть народное преданіе о томъ, какъ владимірцы пріѣхали когда-то въ Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвалы володимірскія, да съ досады и говорили:

— Охъ вы, плотники! У васъ и всего-де: деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви“.

Сахаровъ ⁴⁾), записавшій это преданіе, отъ себя до-

¹⁾ Описаніе волог. каедр. соф. соб., сост. Н. Суворовъ, стр. 134.

²⁾ П. Пекарскій: Введеніе въ ист. просвѣщ. въ Россіи, стр. 391.

³⁾ Устав. соф. новг. соб., стр. 59.

⁴⁾ Сказанія русскаго народа, собр. И. П. Сахаровымъ, кн. I, стр. 276, изд. Суворина, СПб. 1885 г.

бавляетъ, что деревянная печь дѣйствительно находилась въ старомъ архіерейскомъ домѣ, близъ Успенскаго собора.

Нечего и говорить о томъ, что обрядъ пещнаго дѣйствія былъ любимымъ зрѣлищемъ не только простаго народа, но и высшихъ слоевъ его, даже государей.

Флетчеръ, бывшій въ Россіи въ 1588—1589 годахъ, замѣчаетъ, что „въ Москвѣ царь и царица всегда бывають при этомъ торжествѣ, хотя всякой годъ повторяется одно и то же, безъ всякаго прибавленія чего-нибудь новаго“¹⁾.

Обрядъ пещнаго дѣйствія, говоритъ А. Веселовскій²⁾, очевидно достигнулъ въ старину такого всеобщаго распространенія и народнаго сочувствія, что церковный обрядъ слился вскорѣ съ народнымъ переряживаніемъ на свѣчкахъ... И до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ самое слово *халдей* звучитъ синонимомъ ряженаго, свидѣтельствуя о тѣсномъ сближеніи дѣйства съ народными обычаями.

Къ совершенію обряда готовились нѣсколько дней. Надо было позаботиться о томъ, чтобы мальчижи и халдеи выучили на память свои слова подъ руководствомъ свѣдущаго человѣка; а главнымъ образомъ слѣдовало приготовить необходимую для обряда обстановку, то, что теперь называется декораціями.

Самыми важными аксессуарами были: халдейская печь, горячія вещества, свѣчи, изображеніе ангела, одѣяніе отроковъ и халдеевъ, пальмы, убрusy, желѣзные трубки и горнъ съ угольями.

¹⁾ Пекарскій: Введ. въ ист. просв., стр. 300.

²⁾ А. Веселовскій: Старинный театръ въ Европѣ, стр. 329.

II.

Халдейская печь.

Въ описи вологодскаго собора за 1663 годъ значится:

2. | „Да передь царскими дверьми анбонъ, рѣзанъ по дереву, золоченъ золотомъ и серебромъ сусальнымъ; оеоло анбона двѣнадцать образовъ праздниковъ Владычныхъ, падницъ, среднѣ, поля рѣзные, на золотѣ; да на столпцахъ четырнатцать образовъ пророковъ“.

Сравнимъ описаніе этого амвона съ тѣмъ, которое сдѣлано въ Софійскомъ Временникѣ (ч. II, стр. 374).

3. | 1533 году, мѣсяца іюня, въ 15 день, владыка Макарій постави въ соборнѣй церкви, во святѣй Софѣи, въ Великомъ Новгородѣ, амбонъ велми чуденъ и всякія лѣпноты исполненъ: святыхъ на немъ отъ верха въ три ряда тридесать, на поклоненье всѣмъ православнымъ христіаномъ, а по всему амбону рѣзью и различными подзоры и златомъ листовнымъ велми преизяцно украшенъ и удивленья исполнепъ; а отъ земля амбону устроены яко чловѣчки древяные дванадесать, и всякими вапы украшены и въ одеждахъ, и со страхомъ яко на главахъ держать сію святыню; велми лѣпо видѣти“.

По мнѣнію протоіерея П. Соловьева ¹⁾, этотъ амвонъ или не сохранился до нашего времени, или есть ничто иное, какъ халдейская печь, находящаяся теперь въ Петербургѣ, въ Академіи Художествъ, привезенная сюда изъ Новгородскаго софійскаго собора.

¹⁾ Опис. новгор. соф. соб. П. Соловьева, СПб. 1858 г., стр. 144.

Эта печь вся сдѣлана изъ дерева, круглая, съ боковымъ входомъ на подмости, въ вышину $3\frac{1}{4}$, въ діаметръ $2\frac{3}{4}$ аршина, состоитъ изъ 12 столбиковъ, утвержденныхъ на кругломъ основаніи. Между столбиками внизу поставлено по одному рѣзному человѣчку съ поднятыми къ верху руками. Эти фигуры поддерживаютъ пилястры, на которыхъ вертикально стоятъ доски съ рѣзными изображеніями святыхъ то въ овальныхъ, то въ продолговатыхъ рамкахъ. По крайней мѣрѣ замѣтны слѣды этой художественной работы: мелкая рѣзба, херувимы, позолота, краски и пр. ¹⁾.

Мнѣ кажется, съ большой вѣроятностью можно допустить, что вышеописанный амвонъ владыки Макарія впоследствии, когда стали ежегодно совершать чинъ пещнаго дѣйствія, могъ исполнять назначеніе халдейской печи ²⁾.

А такъ какъ описаніе амвона вологодскаго собора почти тождественно съ описаніемъ амвона владыки Макарія, то еще съ большей увѣренностью можно утверждать, что онъ былъ и халдейской печью. Говорю: *съ большей увѣренностью* на томъ основаніи, что нѣтъ нигдѣ въ приходорасходныхъ книгахъ архіерейскаго дома даже намекъ о существованіи специально устроенной для обряда печи; тогда какъ амвонъ былъ принаровленъ къ этому: подъ нимъ прибывалась крашенинная (4) завѣса съ цѣлью скрывать „чреднаго звонца“, о которомъ ниже; въ амвонъ ввинчивались кольца (5)... не для того-ли, чтобы чрезъ нихъ пропускать веревку, на которой, при помощи блока, вверху висѣлъ ангель?

4.

Куплены двѣ крашенины подъ амвонъ на завѣсу, даны 22 алтына. Куплено мелково гвоздья на денгу, къ амвону прибывать крашенину.

¹⁾ Древн. рос. государства, отд. VI, NN 27—29.

²⁾ Сравни статью Г. Артлебена: „Къ слову *Амвонъ* для Археологическаго словаря“. Труды Московск. Археол. Общ., кн. 4.

5. Дано кузнецу Оедоту за анбонное за луже-
ное гвоздь 2 алт., 4 денги, да ему-жъ дано
отъ анбонныхъ колець отъ дѣла, 6 алтынъ.

III.

Картина пламени.

Изъ текста библейскаго разсказа видно, что отроки были ввержены въ раскаленную печь. Наши предки сумѣли выразить картину пламени. Они не жалѣли ни свѣчь, ни легко возгорающихся веществъ, — сѣры, соломы, смолы — ни горячихъ угольевъ. Послѣдніе въ особенномъ сосудѣ — горнѣ ставились подъ печь. Но самою удобовоспламеняющею была трава плаунъ обыкновенный (*Lycoperidium clavatum*). И теперь еще на нѣкоторыхъ сценахъ эта трава употребляется для подражанія молніи.

Плаунъ по тогдашнему времени стоилъ не дешево.

6. | 1643 г. дек. 10 дня, куплено къ печному
дѣйству плауну полпуда, дано 1 руб. 30
алтынъ.
1639 г. дек. 11, куплено къ печному дѣй-
ству 28 гривенокъ плауну, гривенка по 3
алтыны, и всего 2 руб. 17 алт. 2 денги.

Обрядъ печнаго дѣйствія вообще требовалъ усилен-
ныхъ расходовъ. На покрытіе ихъ собиралась лепта съ
епархіальныхъ церквей болѣе достаточныхъ (7), а бѣдные
храмы (8) освобождались отъ этой дани. Выработался да-
же особенный терминъ для обозначенія этого сбора: „за
фунтъ плаунъ гривну“ или „за фунтъ плаунъ траву грив-
ну“ (7, 8).

Напримѣръ:

7. | 1627 г. февраля 12 дня, въ архіепископлю
казну, каменнаго монастыря вотчины, изъ
святыя луки, Никольской попъ Григорей
платилъ церковную дань, за фунтъ плаунъ
гривну. Взято.

8. | Марта въ 5 день, въ архіепископлю казну, кубенскіе волости Никольской попъ Никифоръ платилъ церковную дань на нынѣшній 135 годъ по книгамъ рубль, 16 алт. 4 денги. Взято. А въ Соеейскую церковную кровлю и за плаунъ пожаловалъ государь Архіепископъ: для его скудости велѣлъ ему отдати. Не взято.

По вычисленію Н. Суворова ¹⁾ на покрытие издержекъ для обряда тратилось 15 и болѣе тогдашнихъ рублей ²⁾.

Яркій свѣтъ — паглядное изображеніе пламени, исходилъ отъ многочисленныхъ свѣчей, большихъ и малыхъ, прикрѣпленныхъ къ печи въ желѣзныхъ подсвѣчникахъ, называвшихся „шанданцами“. Не можетъ быть сомнѣнія, что печь освѣщалась изнутри, такъ какъ прикрѣплять къ наружной сторонѣ подсвѣчники значило портить рѣзьбу, позолоту и украшенія.

Шанданцы, вѣроятно, были небольшіе подсвѣчники, если судить объ этомъ по цѣнѣ ихъ, потому что:

9. | 1627 г. дек. въ 14 день, куплено у кузнеца у Семейки Малцова къ печному дѣйству 58 шенданцевъ, дано 6 алт. 4 денги.
10. | Того жъ года, дек. въ 17 день, дано Семenu Малцову кузнецу за 28 шенданцовъ къ печному дѣйству, 3 алт. 4 денги.

Что они прикрѣплялись къ печи, это можно доказать слѣд. выдержкой:

11. | 1628 г., дек. 22 дня, дано кузнецу Куземкѣ Никитичу, что онъ дѣлалъ къ печь 50 подсвѣчниковъ, да 7 вертлюговъ съ гвоздемъ, да 24 засовца въ вертлюги, дано ему за все 9 алт. 2 денги.

¹⁾ Опис. вол. соф. соб., стр. 134.

²⁾ Около 160 нынѣшнихъ рублей.

12. | Того же дни куплено къ пещѣ у кузнеца
у Ермолки Никонова 78 подсвѣчниковъ, да-
но 8 алт. 2 денги.

Изъ сопоставленія этой выписки съ предыдущими двумя (9 и 10) видно, что въ 1627 г. шапданцовъ понадобилось 86, а въ 1628 году уже 128 (11 и 12).

Но это было еще не все. Кромѣ этихъ свѣчей возжигались еще большія — поставныя, ослопныя; меньшія — одинакія, двойныя, тройныя и такъ называемыя *халдейскія ляпки*. Н. Суворовъ говоритъ, что онъ не знаетъ, какія это были вещи. Въ описаніи пещнаго дѣйствія въ Россійской Вивлюэикѣ упоминаются витыя свѣчи. Не это ли и есть халдейскія ляпки? Какъ бы то ни было, но

13. | 1639 г. дек. 11, дано пятницу попу Анд-
рѣю отъ ослопныхъ отъ большихъ свѣчъ
и отъ поставныхъ и отъ отроческихъ и отъ
пещныхъ свѣчъ и отъ халдѣйскихъ ляпковъ,
отъ сканья 11 алтынъ, 4 денги.

1638 г. дек. 20 дня, пятницу попу Анд-
рѣю отъ пещныхъ дѣйственныхъ, боль-
шихъ поставныхъ и отъ ослопныхъ и отъ
меньшихъ одинакихъ и двойныхъ и трой-
ныхъ восковыхъ всякихъ свѣчъ и отъ хал-
дѣйскихъ ляпковъ, отъ сканья дано 11 алт.
4 денги.

Въ общемъ получается солидное количество зажигае-
мыхъ свѣчей. О чемъ, между прочимъ, говорятъ и сами
расходныя книги.

14. | 1627 г. дек. въ 17 день, дано пятницу попу
попу Григорью за дѣло за свѣчи къ пещ-
ному дѣйству, вѣсомъ пудъ съ четвертью,
дано 8 алт. 2 денги.

IV.

Изображеніе ангела.

Это было труднымъ дѣломъ для тогдашняго человѣка. При томъ младенческомъ состояніи декоративнаго искусства, въ которомъ находились наши предки, при изображеніи того, кто „лицемъ грозенъ и страшенъ, образомъ уподобляется Сыну Божию“ ¹⁾ предстояла нелегкая задача: малѣйшая ошибка, грубость работы, и Ангелъ Божій могъ превратиться въ смѣшную или чудовищную куклу. Но, во первыхъ, не требовательна была публика XVI и XVII вѣковъ; во-вторыхъ Ангелъ Божій быстро спускался сверху, и трудно было рассмотреть всѣ детали, а въ третьихъ, все-таки дѣло поручалось опытному искусному человѣку, почти всегда иконописцу (16).

Изображеніе ангела вырѣзывалось изъ двухъ кожъ, непременно яловичныхъ (16), т. е. снятыхъ съ самокъ, еще ни разу не бывшихъ стельными, ни разу не давшихъ плода. Вырѣзанныя человѣкообразныя фигуры склеивались, левкасились, т. е. покрывались слоємъ особенной замазки (15). Что-же это былъ за левкасъ? А вотъ:

15. | Шерстобойъ Івашко Ѳедоровъ въ левкасъ
ленъ и конопле свѣкъ намѣлко и лукомъ
розбиваль ²⁾.

Когда въ черномъ видѣ изображеніе ангела было готово, тогда иконникъ писалъ ликъ и съ той и съ другой стороны оригинальной фигуры.

16. | 1637 г. дек. 8, куплены двѣ кожи яловиш-
ные подъ Архангеловъ образъ, что надъ
пещнымъ дѣйствомъ, даны 1 руб. 6 алт.
4 денги. Да изъ тѣхъ же кожъ выкроенъ
и сшитъ и склеенъ образецъ подъ Архан-

¹⁾ Рос. Вивл., VI, стр. 377.

²⁾ Опис. вол. соб., 146.

геловъ образъ; отъ левкашеня и отъ письма дано иконнику 1 руб. 6 алт. 4 денги.

Пекарскій ошибочно понялъ слово „образъ“, подставивъ подъ него синонимъ „икона“, и утверждаетъ, что вмѣсто ангела (какъ то было въ Новгородѣ) въ печь спу-скали (въ Вологдѣ) образъ, подбитый яловицной кожей и называвшійся архангеловымъ образомъ ¹⁾.

Алексѣй Веселовскій не только повторяетъ эту ошибку, но идетъ дальше въ своемъ заблужденіи, говоря: „о вологодскомъ дѣйствѣ извѣстно, что ангела въ немъ замѣ-нялъ образъ, на которомъ изображенъ былъ одинъ изъ ар-хангеловъ; образъ этотъ, почему-то подбитый кожей, спу-скался по веревкамъ къ печи“ ²⁾.

Выходить странное *qui pro quo*, одинъ изъ примѣ-ровъ постепеннаго созданія научныхъ легендъ.

У.

Одѣяніе отроковъ и халдеевъ.

Головное украшеніе отроковъ называлось шапками и вѣнцами, которые шились изъ кожи.

17. | 1618 г. дек. 1 дня, куплены двѣ полы ко-
жы отрокамъ на шапки; дано 8 алтынъ, да
образному деревщику Ивану дано отъ вѣн-
цовъ отъ дѣла за кожу 4 алтыны.

Головное украшеніе халдеевъ называлось шоломами или туриками. „Халдѣи же востануть отъ земли и снима-ютъ съ себе шоломы, сирѣчь турики“ ³⁾.

Отроческіе вѣнцы и халдейскіе турики опушались за-ячьимъ или горностаевымъ мѣхомъ (18), левкасились, по-

¹⁾ Пекарскій, Введ. въ ист. проsv., 391.

крывались краской и золотились. На вѣнцахъ у отроковъ было еще одно украшеніе: мѣдные литые кресты (22).

18. | 1636 г. дек. 9 дня, куплены три зачины къ отроческимъ и халдейскимъ шапкамъ на опушку, дано 3 алтына.
19. | 1618 г. дек. 15, дано иконнику Терентію Кочютину за горностали и за отроческіе шапки отъ дѣла, 30 алтынъ.
20. | 1637 г. дек. 15, иконникъ Каруни Горбунъ левкасилъ и золотилъ отроческіе шапки, да халдейскіе шапки починивалъ; дано ему на золото 13 алт. 2 денги.
21. | 1643 г. дек. 1, починивалъ иконникъ Константинъ Кириловъ шапки отроческія и халдѣйскія, отъ починки и за золото и за краски дано ему 5 алтынъ.
22. | 1640 г., дек. 14, отдавали отроческіе шапки чистить, да новые мѣдные кресты лить; дано 2 алт. 4 денги.

Облаченіе отроковъ состояло изъ стихаря, сшитаго изъ тонкаго дорогаго полотна. Оплечья и перерукавья дѣлались изъ цвѣтнаго вытканнаго узорами бархата (23). Источники, т. е. полосы другаго цвѣта, чѣмъ само одѣяніе, ниспадающія къ подолу, были изъ крашенины (23, 24) или изъ тесемокъ. Подпушки также дѣлались изъ крашенины (23). Если принять во вниманіе, что полотно было бѣлаго цвѣта, то благодаря отдѣлкѣ отроческій стихарь представлялъ собою нарядное одѣяніе.

Халдейское платье было нѣсколько проще; оно называлось юнками или юпами и дѣлалось изъ краснаго — багроваго сукна, съ оплечьями изъ ткани, на которой были выбиты узоры. Все это, т. е. отроческій стихарь и халдейская юпка, шивались шолкомъ и витками.

Эти подробности извѣстны благодаря опять-таки приходу-расходнымъ книгамъ:

23. | 1640 г. дек. 14, куплено на отроческой стихарь полотна тонково 8 аршинъ, дано 10 алт. 4 денги; на оплечье и на перерубавье къ тому стихарю бархатѣи цвѣтные травчатые, на 15 алт.; на источники тасемъ да крашенины на подушки, на 4 алт. на 2 денги; шолу да нитей на 4 денги.
24. | 1626 г. дек. 14 дано Ильинскаго монастыря старцу Трифону на отроческіе стихари на источники за 2¹/₂ аршина за крашенину, 3 алтына.
25. | 1628 г. дек. 10 дня, куплено сукна летчины красные на халдейскіе юпы 10 арш. по 6 алт. по 2 денги аршинъ, и того дано 1 руб. 30 алт. да на оплечье выбойки аршинъ, 4 алт.
26. | 1631 г. дек. 14, куплено на починку къ халдейскимъ юшкамъ четверть аршина червчататаго сукна летчины, дано 10 денегъ.

VI.

Пальмы, убрusy, желѣзныя трубки и горнъ.

„Егда-же дойдетъ первый халдѣи до среды церкви близъ печи, и стануть отроки и халдеи, и указуютъ оба халдеи отрокомъ на печь пальмами“ ¹⁾.

„Промежь себе примѣриваются пальмами“ ¹⁾.

„Халдѣи стоятъ обоюду странъ печи, вознесши пальмы высрь выше главы вопреки, а булавами на церковь, а концами къ алтарю“ ¹⁾.

Если къ этому добавить, что на пальмы халдеи полагали свои турики, когда по уставу, напр., во время чте-

¹⁾ Рос. Вивл., VI, 372, 375, 376.

ніа Евангеліа, требовалось снимать ихъ съ головы, то этимъ всёиъ и ограничивается необходимость пальиъ, которыа такимъ образомъ служили болѣе для красоты, чѣмъ для нужды.

Пальиы, вѣроятно, вырѣзывались изъ дерева и золотились по краскѣ. „Сеиень иконникъ пальиы красилъ“ ¹⁾.

27. | 1639 г. дек. 11 дано иконнику Карпунѣ отъ палемъ отъ крашенья и позолоты, 2 алтына.

Убрусы или полотенца употреблялись для связыванія рукъ отроческихъ, ладонь къ ладони; а четвертымъ уборомъ отроческій учитель обвивалъ шею мальчииковъ.

Въ огонь кидали траву плаунъ изъ желѣзныхъ бѣлыхъ трубокъ, вѣроятно, съ цѣлью предохранить себя отъ обжоговъ, такъ какъ плаунъ быстро воспламенялся и Флетчеромъ по ошибкѣ былъ принятъ даже за порохъ.

28. | 1643 г. дек. 1 дня, дѣлалъ Васка Бѣгичевъ изъ казеннаго бѣлаго желѣза двѣ трубки халдейскихъ новыхъ, да восемь трубокъ починивалъ старыхъ, дано ему отъ того 5 алтынъ.

29. | Дек. въ 17 день, дѣлалъ къ дѣйствиу къ пещному Первушко Стефановъ три трубки новыхъ да старыхъ починивалъ пять трубокъ халдейскихъ. Дано ему за дѣло 10 денегъ ²⁾.

Горнъ — по всей вѣроятности — чугуиъ, наполненный горячими угольями, которые раздувались при помощи мѣха;—или это была корчага, т. е. большой горшокъ.

30. | Декабря въ 23 день дано соеейскому пономарю Івашеу за горшокъ къ пещному дѣйствиу 1 денга.

¹⁾ Извѣст. Импер. Русск. Археол. Общ., т. III.

²⁾ Ibid., т. I, стр. 373—375.

VII.

Сцена дѣйствія.

Сценой дѣйствія былъ весь обширный, высокій храмъ. Также и въ немъ дѣлались приготовленія къ обряду. Въ среду, на заутрени, ключари соборные благословлялись у святителя разбирать большое паникадило, что укрѣвлено въ главномъ сводѣ, а иногда убирались и малыя. Въ Вологдѣ едва-ли разбирали паникадило; скорѣе, къ нему прицѣпляли веревку на блокъ, чтобы спускать изображеніе ангела.

31. | Того-жъ дни дано соеѣйскому ключарю попу Ѳеодору на ужище въ церковь къ паникадилу 2 денги.

Въ субботу, онять-таки съ благословенія владыки, уносились на время нѣкоторыя иконы въ алтарь или придѣлы, устанавливались свѣчи, какъ было удобнѣе, отодвигался амвонъ архіерейскій (обыкновенный) къ одному изъ клиросовъ, а на мѣсто амвона ставилась халдейская печь. „Тогда подъячій изъ казны приносить шандалы желѣзные, и свѣчи витыя“ 1).

Надъ приведеніемъ сцены въ должный порядокъ трудились пономари и звонцы подъ наблюденіемъ соборнаго ключаря.

Нѣкоторое недоумѣніе относительно ангела, сходящаго „въ печь ко отрокомъ въ трусѣ велицѣ зѣло съ громомъ“ 2), — возбуждаетъ Флетчеръ, говоря, что ангелъ слеталъ съ церковной крыши къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней 3).

Если это было такъ, то обрядъ, значить, совершался внѣ храма, но самъ авторъ ранѣе заявляетъ: „каждый епископъ въ своей соборной церкви показываетъ трехъ отроковъ“.

1) Рос. Вивл., VI, 364.

2) Ibid., 376.

3) Пекарск., Введ. въ ист. просв., 390.

Вѣроятно, по недоразумѣнію, Флетчеръ церковный сводъ назвалъ крышей, и не слѣдуетъ этому обстоятельству придавать большаго значенія, какъ это дѣлаетъ А. Веселовскій ¹⁾).

VIII.

Дѣйствующія лица.

1) Три отрока — Ананія, Азарія и Мисаиль — избранились изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Это были лучшіе голоса въ хорѣ, чистые и звонкіе, потому что, помимо диалоговъ, дѣтямъ приходилось не разъ во время совершенія обряда пѣть духовныя стихиры. Въ вологодскомъ консисторскомъ архивѣ сохранились два имени этихъ отроковъ: какой-то Васья (33) и Матюша Пудовъ.

2) Руководителемъ мальчиковъ былъ отроческой учитель или уставщикъ. Онъ облачалъ отроковъ въ стихари и вѣнцы, возжигалъ свѣчи отроческія, обязывалъ отроковъ убрисомъ по выямъ ихъ, вообще сопутствовалъ имъ. Отроческой учитель — одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ Вологдѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ эту обязанность исполнялъ Володимеръ Ивановъ, пѣвчій—дьякъ.

3) Два халдея. Кто исполнялъ роль слугъ Навуходносора — неизвѣстно. Можно догадываться, что это были взрослые пѣвчіе.

По свидѣтельству Флетчера, халдейцы въ продолженіи всѣхъ двѣнадцати дней должны бѣгать по городу, переодѣтые въ шутовское платье и дѣлая смѣшныя шутки, чтобы оживить обрядъ.

Олеарій ²⁾, бывший въ Московіи въ 1633, 1636 и

¹⁾ Стар. театръ, 329.

²⁾ Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 г. Переводъ Барсова, стр. 314—315.

1639 годахъ, сообщаетъ о халдеяхъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

„Въ бытность нашу въ Москвѣ, говоритъ Олеарій, это были извѣстные безпутные люди, которые ежегодно получали отъ патріарха дозволеніе, въ теченіе 8-ми дней передъ Рождествомъ Христовымъ и вплоть до праздника трехъ святыхъ царей (Богоявленія), бѣгать по улицамъ города съ особаго рода потѣшнымъ огнемъ, поджигать имъ бороды людей и въ особенности потѣшаться надъ крестьянами. Въ наше время такіе халдеи подожгли у одного мужика возъ сѣна, и когда этотъ бѣдняга хотѣлъ было оказать имъ сопротивленіе, то они сожгли ему бороду и волосы на головѣ. . . Халдеи эти одѣвались, какъ масляничные шуты или шукари, на головахъ носили деревянные раскрашенныя шляпы и бороды свои обмазывали медомъ! . . . Но такъ какъ эти забавники причиняли уже черезъ чуръ большія неудовольствія и даже вредъ своими потѣхами крестьянамъ, вообще простому народу, а иногда и беременнымъ женщинамъ, то бывшій патріархъ окончательно запретилъ эту глупую игру и бѣганье по городу въ шутовскомъ нарядѣ“.

Разсказъ Олеарія дополняетъ свидѣтельство Флетчера. Ясно, что въ Москвѣ халдеевъ было не два, какъ въ Новгородѣ и Вологдѣ, а много, если они при сопротивленіи крестьянъ могли одерживать надъ ними верхъ и подвергать дикимъ истязаніямъ не только женщинъ, но и мужчинъ. Это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ того мнѣнія, что въ Москвѣ обрядъ пещнаго дѣйствія совершался во всѣхъ тѣхъ храмахъ, которые имѣли своихъ епископовъ. Возможно, что къ халдейцамъ присоединялись, во время святокъ, и другіе ряженые.

Флетчеръ потѣхи халдеевъ называетъ смѣшными шутками, тогда какъ у Олеарія онѣ очерчены мрачными красками.

Иностранцы не противорѣчатъ въ данномъ случаѣ другъ другу, потому что первый былъ въ Москвѣ 1588—1589 годахъ, когда чинъ пещнаго дѣйствія только выли-

вался въ ежегодный обычай, а Олеарій засталъ обрядъ уже укоренившимся и халдеевъ, уже освоившихся со своимъ потѣшнымъ дѣломъ и доводившихъ его до крайности. Самъ патріархъ, какъ было указано выше, запретилъ глупыя шутки халдеевъ.

Во всякомъ случаѣ, если правда то, о чемъ пишутъ Флетчеръ и Олеарій (а сомнѣваться въ ихъ показаніяхъ трудно), то, значить, и въ Московской Руси въ духовный обрядъ стали проникать посторонніе элементы и свѣтскія потѣхи, и онъ находилъ себѣ мѣсто не въ одномъ храмѣ, но и на улицахъ.

4) Подъяки, т. е. причетники. Ихъ было нѣсколько: двое со свѣчами, третій съ лампадой; остальные разбивались на двѣ станицы, большую и меньшую, чтобы пѣть по очереди. Подъяки облачались въ обыкновенные стихари.

5) Чредный звонецъ, вся роль котораго ограничивалась раздуваніемъ горна съ угольями.

6) Наконецъ, все духовенство: святитель, діакони градскіе, отъ соборовъ десятскіе, и протопопы, и священники соборные, и градскіе отъ собора старосты ¹⁾ — такъ или иначе принимали участіе въ чинѣ пещнаго дѣйствія.

IX.

Пещное дѣйствіе ¹⁾.

Самый обрядъ пещнаго дѣйствія разбивался на двѣ части: приуготовительную и исполнительную. Первая была какъ бы зачаломъ второй и отправлялась наканунѣ воскресенья. Благовѣстили къ вечернѣ цѣлый „часъ народа ради“. Въ это время, въ архіерейскій домъ собирались власти, приходилъ отроческій учитель съ мальчиками, хал-

¹⁾ Росс. Вивл., ч. VI, стр. 367.

²⁾ Ibid., стр. 363 и слѣд.

деи и подьяки. Дѣйствующія лица облачались въ свои одежды въ выходной палатѣ, потомъ шли въ сѣни передъ крестовою келью епископа, и здѣсь ожидали выхода владыки изъ внутреннихъ комнатъ. Святитель шелъ въ крестовую и приказывалъ войти туда отрокамъ и халдеямъ. Первымъ вступалъ въ келью халдей, за нимъ отроки, которые „руцѣ имѣютъ прости“, позади — второй халдей. Оба халдея держатъ въ рукахъ зажженные свѣчи, пальмы и трубы „съ плавучею травою“.

— Владыко, благослови! говоритъ первый халдей.

— И помолися! добавляетъ другой.

Тогда отроки трижды поклоняются образамъ „яко же отъ единого уда по обычаю вси равно вкупѣ“. Затѣмъ они отдають поясной поклонъ святителю, который говоритъ: „достоинно есть“ . . . „и отпускъ по обычаю, и творить прощенье ко властѣмъ“.

Въ эту минуту уставщикъ зажигаетъ отроческія свѣчи и приносить ихъ къ архіерею. Къ послѣдному подходятъ по очереди три отрока; каждый получаетъ свѣчу, цѣлуетъ руку, и всѣ, немного отступя, снова кланяются епископу. Затѣмъ слѣдуетъ выходъ въ сѣни, гдѣ ожидаютъ подьяки съ лампадою и со свѣчами. Здѣсь учитель возглашаетъ:

— Хвалите, отроки, Господа; хвалите имя Господне!

А владыка говоритъ:

— Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка.

Отроки, идя передъ святителемъ, поютъ стихъ: благословенъ еси Господи, Боже отецъ нашихъ.

И все шествіе направляется къ святой Софїи, къ вечернѣ. Впереди идутъ подьяки безъ свѣчъ по три въ рядъ, за ними одинъ подьякъ съ лампадою, а двое со свѣчами; далѣе отроки со свѣчами тройными въ сопровожденіи халдеевъ съ правой и лѣвой стороны; и потомъ уже святитель со своей свитой.

При входѣ въ церковь халдеи опять произносятъ: „Владыко, благослови, и помолися!“ а отроки поютъ: „ис-

полааети деспота“. Послѣ поклоновъ отроки и подъяки уходятъ въ алтарь сѣверными дверями, а халдеи остаются. Служба идетъ своимъ порядкомъ. Только во время выхода отроки и халдеи становятся въ рядъ передъ святителемъ, кланяются ему, и первые возвращаются въ алтарь, а халдеи остаются передъ сѣверными дверями. По окончаніи вечерни шествіе сопровождаетъ епископа въ келью, гдѣ получаетъ уставной отпущекъ. Потомъ „на учителя и на отроковъ съ халдѣи бываетъ столъ въ ключнѣ и выходъ на погребъ; а дьяки пѣвчіе и подъяки въ ключнѣ не ѣдятъ, только всходятъ на погребъ“.

Въ воскресеніе, въ шесть часовъ утра начинали благовѣстить; и колоколь долго сзывалъ православныхъ въ соборъ. Въ архіерейскомъ домѣ въ это время происходило тоже самое, что и наканунѣ. Въ соборъ шествіе отправлялось въ такомъ же порядкѣ, съ тѣми же словами, съ тѣми же поклонами. Отроки уходили въ алтарь. Служба шла по уставу до седьмой пѣсни. Но вотъ раздается стихъ: „Тричисленные отроки состави святая троица, Отецъ бо Ананію постави, и нынѣ Сынъ Азарію показа, Духъ же пресвятый преславнаго Мисаила яви, трие сущи въ печи попраша пламень, глаголюще: благословите дѣла господня Господа“.

Во время пѣнія этой стихиры отроческій учитель кладетъ три поклона иконамъ и земной — святителю, со словами:

— Благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити.

— Благословенъ Богъ намъ, изволивый тако! отвѣчаетъ епископъ, возлагая рукою благословеніе на склопенную голову учителя.

Тогда уставщикъ идетъ въ алтарь „поскору“, обязываетъ руки отроковъ и шеи убрусами, стоитъ и ждетъ отъ святителя призыва. Вотъ отворяются сѣверныя двери, учитель передаетъ отроковъ въ руки халдеевъ, которые берутся за концы убруса, что обвиваетъ шеи, и ведутъ мальчиковъ на средину церкви, къ халдейской печи. От-

роки идутъ, „руцѣ имѣя дланьми совокуплены друга ко друзѣй“. Передъ печью всѣ останавливаются. Халдеи показываютъ на нее пальмами и говорятъ отрокамъ:

Первый.

Дѣти царевы!

Второй (поддваиваетъ тое же рѣчь).

Царевы!

Первый.

Видите-ли сію печь огнемъ горящу и вельми распалему?

Второй.

А сія печь уготовася вамъ на мученіе.

(Въ діалогъ вмѣшиваются отроки).

Ананія.

Видимъ мы печь сію, но не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ, той силенъ изъяти насъ отъ печи сея.

Азарія.

И отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ.

Мисаилъ.

А сія печь будетъ не намъ на мученіе,

Но вамъ на обличеніе.

Послѣ этихъ словъ халдеи ведутъ отроковъ къ святительскому мѣсту, и всѣ вланияются. Отроки поютъ: „И нотцися на помощь нашу, яко можеша хотѣи!“

Кончилось пѣніе. Учитель развязываетъ отроковъ одного за другимъ, которые по очереди идутъ къ владыкѣ за благословеніемъ и за свѣчами, уже принесенными изъ алтара протодьякопомъ. Самъ святитель становится ближе къ печи. Халдеи переговариваются:

Первый.

Товарищъ!

Второй.

Чаво?

Первый.
Это дѣти царицы?
Второй.

Царицы!

Первый.
А золоту тѣлу не поклоняются?
Второй.

Не поклоняются!

Первый.
И мы вкинемъ ихъ въ печь.
Второй.

И начнемъ ихъ жечь.

Приступаютъ къ дѣлу. Учитель отдаетъ халдеямъ своихъ отроковъ. Халдеи берутъ Ананію за руки и ведутъ его въ печь „честно и тихо“. Потомъ возвращаются и говорятъ:

— А ты, Азарія, чаво сталь? И тебѣ у насъ то-же будетъ.

Азарію и Мисаила постигаетъ та же участь. Пещины дверцы затворяются. Тогда чредный звонецъ входитъ подъ печь, съ горномъ. Протодьяконъ кличетъ велегласно:

— Благословенъ еси Господи, Боже отецъ нашихъ! Хвалю и прославлено имя твое во вѣки!

Отроки поютъ въ печи этотъ же стихъ, а халдеи съ зажженными свѣчами, съ трубками съ плавучею травою, и съ пальмами ходятъ кругомъ печи, угрожаютъ, кто подъ пещію роздымаетъ горнъ и мечутъ траву свою подъ очередное пѣніе на двухъ клиросахъ, подъ звучные голоса отроковъ, подъ велегласныя слова протодьякона: „И распалашеся пламень надъ пещію“. Въ этотъ моментъ халдеи „палятъ зѣло около печи“, но отроки не унываютъ, и слышна ихъ торжественная пѣснь. И вдругъ все круто измѣняется. Соборный ключарь уже успѣлъ сказать: Благослови, владыко, ангела спущати! ¹⁾ Дьяконы уже взяли

¹⁾ Эту фразу я слыхалъ отъ священника въ Вологдѣ.

у халдеевъ траву съ огнемъ; протодьяконъ уже воскликнулъ:

— Ангелъ же Господень сниде купно съ Азаріиною чадію въ пещь, и отъять пламень огненный отъ пещи, и сотвори посредѣ пещи, яко духъ хладенъ и шумящъ.

Съ послѣдними словами сходитъ ангелъ господень въ пещь ко отрокомъ „въ трусь велицѣ зѣло съ громомъ“ ¹⁾.

Халдеи падаютъ ницъ по ту и другую сторону печи, дьяконы опаляютъ ихъ, исполняя обязанность ангела, а его изображеніе съ зажженными свѣчами въ вѣнцѣ, что успѣли сдѣлать отроки поднимается немного надъ печью, какъ бы парить надъ головами. Отроки поютъ стихиру, сказанную протодьякономъ. Тогда халдеи, словно очнувшись, встаютъ на ноги, снимаютъ съ себя турики и начинаютъ бесѣдовать.

Первый.

Товарыщъ!

Второй.

Чаво?

Первый.

Видиши-ли?

Второй.

Вижу.

Первый.

Было три, а стало четыре, а четвертый грозень и страшень зѣло, образомъ уподобися Сыну Божию.

Второй.

Какъ онъ прилетѣлъ и насъ побѣдилъ!

Въ это время дьяконы даютъ халдеямъ по большой выносной свѣчѣ и „стоять халдеи, главы понижши и унывъ, пещи же потомъ не палать“.

¹⁾ У Пекарскаго грубая ошибка: въ трубѣ велицѣ.
А. Веселовскій повторяетъ эту ошибку.

Отроки поютъ духовные стихи и взираютъ на ангела. Ананія беретъ за правое крыло, Мисаилъ за лѣвое, Азарія за правую ногу и „обращаются въ печи со ангеломъ трижды“, который, будучи опять немного поднять, какъ бы осѣняетъ и прохлаждаетъ отроковъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще разъ нисхожденіе ангела съ громомъ и трюсомъ велиимъ. Халдеи падаютъ снова, но уже только на колѣни. Отроки, пропѣвъ стихъ: „Благословите трие отроцы, Ананія, Азарія и Мисаилъ, господни!“ — крестятся и поклоняются ангелу, и онъ тихо восходитъ горѣ.

Старшій халдей обращается съ поклономъ къ святителю:

— Благослови, владыко, Ананію ѣликати!

Потомъ открываетъ пещныя двери, и начинается діалогъ:

Ананія! гряди вонъ изъ пещи.

Второй.

Чаво сталь? поварашивайса! не иметь васъ ни огонь, ни смола, ни сѣра.

Первый.

Мы чаяли васъ сожгли, а мы сами сгорѣли. Гряди царевъ сынъ.

Ананія выходитъ изъ печи; его берутъ халдеи подъ руки и честно ведутъ предъ святительское мѣсто. Тѣ же слова говорятъ Азаріи и Мисаилу и также честно обращаются съ ними теперь унывшіе халдеи. Наконецъ, всѣ удаляются въ алтарь.

Многолѣтіемъ всему царствующему дому и патриарху и завершался собственно чинъ пещнаго дѣйствія, но вся заутреня, а потомъ и обѣдня какъ бы еще находились подъ живымъ впечатлѣніемъ, и торжественность церковныхъ службъ этого дня увеличивалась отъ присутствія отроковъ и халдеевъ, которые участвовали во всѣхъ выходахъ съ евангеліемъ, съ дарами и пр.

Здѣсь не могу обойти молчаніемъ безосновательнаго, голословнаго положенія Алексѣя Веселовскаго, который говоритъ, что „любовь къ наглядности и естественности изо-

бражаемаго не увлекала тогдашнее духовенство до буквального вверженія отроковъ въ печь; во все время обряда они стояли со свѣчами возлѣ нея“ ¹⁾. Эта выдумка тѣмъ болѣе кажется странною, что авторъ зналъ описаніе пещнаго дѣйствія въ Россійской Вивліоѣикѣ, при чтеніи котораго не можетъ быть никакихъ сомнѣній о вверженіи отроковъ въ печь; зналъ потому, что дѣлаетъ ссылки на Рос. Вивл. ч. VI.

X.

Послѣ обряда.

За заутреней слѣдоваль перерывъ до двухъ часовъ дня, когда начинали благовѣстить къ обѣднѣ. Этотъ перерывъ былъ необходимъ, какъ отдыхъ для всѣхъ священно-служителей и въ особенности для лицъ, принимавшихъ главное участіе въ обрядѣ. Этотъ перерывъ необходимъ былъ и для того, чтобы убрать халдейскую печь, поставить на прежнія мѣста иконы и свѣчи, привести въ порядокъ церковь, очистить воздухъ отъ копоти, дыма и пыли.

Отроки, халдеи и подьяки, и пѣвчіе послѣ обряда собирались въ столовую палату, въ ключню, гдѣ поддѣрп-ляли свои силы постными кушаньями. Всѣмъ дозволялось входить въ погребъ. О съѣстныхъ припасахъ заботились раньше.

31.	1633 г. дек. 11, куплено къ пещному дѣй-
ству рыбы разной на 4 руб. 7 алт.
32.	1642 г. дек. 16, куплено къ пещному дѣй-
ству рыбы свѣжей на 1 р. 20 алт. да три
пуда лососины на 1 р. 20 алт. 4 денги.

Во время перерыва, вѣроятно до столованья, отроки, ихъ учитель и халдеи ходили къ архіепископу „Христа

¹⁾ А. Веселовскій, Стар. театръ, 328.

славить". Каковы были подачки, о томъ говорить расходная книга:

33. | 1631 г. дек. 21 дня, по приказу государя Архіепископа, дано отрокомъ Васкѣ съ товарищи — гривна; уставщицу Володимиру — гривна; халдѣемъ — два алтына.
34. | 1637 г. дек. 18, славили отроки, дано имъ 3 алт. 2 ден., уставщику ихъ Володимеру Ивапову дано гривна, да халдѣемъ 8 денегъ.

Во время совершенія обряда, когда ангель спускался сверху, и падали ницъ халдеи, и дьяконы опаляли ихъ, — возможно было увлеченіе дѣйствіемъ, простая неосторожность, наконецъ, случайность. Отъ этого происходили иногда увѣчья, ушибы, раны, обжоги, которые, впрочемъ, оплачивались денежнымъ вознагражденіемъ.

35. | 1626 г. дек. 18, приходили послѣ пещнова дѣйства славить уставщицъ пѣвчей дьякъ Володимеръ Ивановъ, и по приказу государя Архіепископа Нектарія дано ему Володимеру рубль денегъ за увѣчья подьяковъ меньшія станицы.

Какое же впечатлѣніе на зрителей производилъ чинъ пещнаго дѣйствія? — Я думаю, чрезвычайно сильное. Для набожнаго человѣка XVII стол. описанное Даніиломъ событіе съ тремя еврейскими отроками казалось полнымъ драматизма, и хотя въ библіи есть много рассказовъ, потрясающихъ и поражающихъ душу трагизмомъ лицъ и событий, но вверженіе въ печь трехъ исповѣдниковъ вѣры въ истиннаго Бога такъ просто и увлекательно изложено, что обрядъ, построенный, какъ воспоминаніе объ этомъ событіи, не могъ не привлекать зрителей. Много дѣйствовало на воображеніе и та обстановка, которая описана выше, а главнымъ образомъ — необходимая церковная служба съ продолжительнымъ благовѣстомъ, съ торжественными шествіями, съ необычными словами и движеніями.

Для насъ кажутся слишкомъ простыми и наивными краткіе діалоги халдеевъ и отроковъ. Если и есть инте-

ресь къ этимъ безъискусственнымъ рѣчамъ, то только съ научной точки зрѣнія. Такъ, — важно то, что халдеи говорятъ народнымъ языкомъ и именно новгородскимъ говоромъ: *товарыщъ, заво сталъ, поварашивайся* (глаголь — ворошиться); а отроки отвѣчаютъ болѣе высокимъ стилемъ, на славянскомъ языкѣ: „Видимъ мы печь сію, но не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ, той силенъ изъяти насъ отъ печи сея“. Этотъ оттѣнокъ въ выраженіяхъ не простая случайность и выдаетъ невѣдомаго автора, какъ книжника, который сознательно показалъ различіе между отроками — существами высшими — и халдеями, только послушными слугами Навуходоносора.

Искусственность также видна въ паратактичности построения діалоговъ. Такъ въ концѣ перваго разговора отроковъ Мисаиль высказываетъ упованіе на Бога предложениемъ рифмованнымъ:

А сія печь будетъ не намъ на мученіе,

Но вамъ на обличеніе;

и разговоръ халдеевъ оканчивается созвучіемъ послѣднихъ словъ:

Первый: И мы вкинемъ ихъ въ печь.

Второй: И начнемъ ихъ жечь.

Для того времени обрядъ пещнаго дѣйствія былъ художественнымъ произведеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ него входили такъ называемые „росные стихи“, которые заключали въ себѣ поэтическіе образы, напр. VI: Одѣвай небо облаки, готоваяй земли дождь, — велій еси, Господи, и чудна дѣла твоя, и хвалѣ твоей нѣсть числа: тебе трепещутъ Ангельская вся воинства, тебе ужасаются бездны, тебе работаютъ источники, тебе всякое дыханіе и тварь поеть тя и славословяетъ тя, Христа во вѣки ¹⁾).

Въ общемъ, картина пещнаго дѣйствія, простая и величавая, раскрывалась своими живописными подробностями передъ древнимъ зрителемъ и слушателемъ достаточно

¹⁾ Рос. Вивл., VI, 371.

ярко, чтобы запечатлѣться въ его сердцѣ. А это не есть ли одно изъ стремленій художественнаго произведенія?

Какъ бы то ни было, но въ исторіи литературы нельзя пройти молчаніемъ „о нещномъ дѣйствіи“: оно справедливо можетъ считаться зародышемъ сначала мистерій и религиозныхъ діалоговъ, а потомъ и драмы въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово нынѣ ¹⁾. Я вполне раздѣляю такое мнѣніе Пекарскаго и съ этой точки зрѣнія высоко цѣню чинъ пещнаго дѣйствія.

Если мнѣ удалось показать, что есть интересныя данныя относительно декоративныхъ подробностей обряда, совершавшагося въ Вологодскомъ соборѣ, то задача настоящей статьи выполнена.

Харьговъ, 1890.

М. П. Савиновъ.

¹⁾ Пекарск., Введ. въ ист. пр., стр. 390.